

ДИАНА ФАД

Дочь

ПРЕДАТЕЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДРАМА

Диана Фад

Дочь предателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69873463

SelfPub; 2023

Аннотация

В день своей свадьбы я была самой счастливой невестой. Мой первый мужчина, первая любовь. Я видела в Артеме свое счастливое будущее, крепкую семью, где мы любим друг друга. Наших будущих детей, дом, где звучит смех и царит любовь. Но все превратилось в прах на следующий день, когда мой муж предал меня, бросил и оставил существовать: сломанную, убитую и беременную его дочерью. А все дело в мести...

Содержание

Глава 1. Начало, за пятнадцать лет до...	4
Глава 2. Свадьба Марго	6
Глава 3. Утро после свадьбы	11
Глава 4. Месть	16
Глава 5. Я – отомстил!	21
Глава 6. Завещание	26
Глава 7. Начало конца	31
Глава 8. Чужие люди	36
Глава 9. Тебе некому мстить	41
Глава 10. Еще один удар	46
Глава 11. Как жить дальше?	52
Глава 12. Рязанцев, шесть лет спустя	58
Глава 13. Начались цветочки	64
Глава 14. Греция, Пелопоннес, за месяц до отъезда в Москву	69
Глава 15. Аркуди	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Диана Фад

Дочь предателя

Глава 1. Начало, за пятнадцать лет до...

Тук, тук – падают комки заледеневшей на морозе земли на красную крышку гроба. Я стою у самого края черной пропасти и смотрю, как на самом дне покрывается землей гроб, скрывая с глаз последнее пристанище моего отца. Похоронен, как собака, без отпевания, без молитв и поминального обеда. Самоубийца... Вот, о чем шепчутся за моей спиной и спиной моей матери, когда мы выходим на улицу. Сейчас мать стоит рядом со мной, сгорбилась, как столетняя старуха. Черная, словно сравнялась по цвету с длинной черной шубой и платком. В лице ни кровинки, даже губы по цвету не отличить от самого лица.

– Будьте вы прокляты, – шепчет она, и я перевожу на нее удивленный взгляд.

Ее шепот такой страшный, словно сама смерть говорит ее голосом и нашептывает слова, – Будьте вы прокляты! – кричит она, – Слышите, Смирновы? Проклинаю вас!

От ее крика с ближайших деревьев поднимаются стаи чер-

ных ворон, которые до этого сидели там и противно гаркали. Они взмахивают своими черными крыльями и кружат над пустым кладбищем, где почти никого нет, кроме нас с матерью и двух работников, которые согласились помочь, за минимальную плату. Отделение на кладбище, у забора, без памятников, без ухоженных могил и крестов. Просто небольшая площадка с холмиками. Здесь хоронят самоубийц, а мой отец стал одним из них. Бывший богатый человек нашего города и области, ныне всеми забытый обнищавший банкрот, как и мы с мамой. У нас ни осталось ничего: ни дома, ни счета, ни машин, ни элитной гимназии. Все ушло в руки конкуренту и бывшему другу отца, Смирнову Владимиру Борисовичу. Слишком много было сделано вместе, слишком много доверия и слишком большая потеря для нас, но не для Смирнова.

Я держу мать под локоть и пытаюсь увести от могилы, когда ее почти заполнили землей, насыпая невысокий холм. Мать сопротивляется, все время оборачивается, я на секунду выпускаю ее из рук и возвращаюсь. Беру кусок черной, жесткой земли и кидаю в могилу, стараясь не ступить за край.

– Я отомщу, папа, – говорю тихо и словно слышу его голос:

– Отомсти, сынок.

Глава 2. Свадьба Марго

– Согласны вы, Маргарита Владимировна Смирнова, взять в мужья, Артема Николаевича Рязанцева? – спрашивает меня работница ЗАГСа в нарядном светло-сером костюме и ниткой жемчуга на шее.

– Согласна, – счастливо улыбаюсь я, поворачиваясь к своему будущему мужу. Артем, такой красивый в темно-синем костюме, белоснежной рубашке с серебристым галстуком. Широкоплечий, высокий, с небрежно взъерошенными светло-русыми волосами. Его четко очерченные губы и упрямый подбородок с маленькой ямочкой, чуть кривятся в ставшей уже привычной усмешке, сводят меня с ума. Стального цвета глаза, где полыхает серебристое пламя.

– Согласны вы, Артем Николаевич Рязанцев, взять в жены Маргариту Владимировну Смирнову?

– Да, – просто и твердо отвечает мой почти муж, и я счастливо смеюсь, когда Артем поворачивается ко мне.

– Объявляю вас мужем и женой, можете поцеловать жену, Артем Николаевич, – и Артем мягко прижимает меня к себе, обхватив крепко одной рукой талию, а второй затылок, осторожно касаясь кружевной фаты и прически.

– Люблю тебя, – шепчу ему и замираю, когда его губы накрывают мои. Так нежно, мягко и в то же время властно, сильно. Настолько ярко, что в моих закрытых глазах взрыва-

ется фейерверк, пока Артем целует меня.

Банкетный зал сверкает гранями высоких люстр отражаясь в хрустальных бокалах. Живые цветы, белые и кремовые розы, все так красиво, что захватывает дух. Я самая счастливая невеста, теперь уже жена. На моем пальчике сверкает кольцо с большим бриллиантом. Артем серьезен и собран, пока мы принимаем поздравления моих родителей. Мамы Артема нет на свадьбе, отец давно умер. Как сказал мой муж, мама его живет за границей, и я с ней еще даже не знакома. Она больна и не смогла присутствовать, но мы обязательно к ней поедem после свадьбы. У нас уже куплены билеты в Париж, где мы проведем неделю, познакомимся с его мамой, а потом на целый месяц уедем на Мальдивы.

Мы познакомились месяц назад, и Артем сразу завоевал мое девичье сердечко, да так, что потеряла голову от таких сильных чувств. Мой отец был против, так как считал, что мы мало знакомы, но я настояла, а когда он познакомился с Артемом, то и его сомнения отпали. Мой будущий муж старше меня на десять лет, имеет собственный успешный бизнес, очень богат. Отец, конечно, навел справки и остался доволен, Артем подошел по всем критериям. Тем более часть его бизнеса находится за границей, что добавило будущему жениху солидности и серьезности в его намерениях.

– Как и обещал в приданное своей дочери я отдаю двадцать процентов акций, – улыбается мой папа и все восхищенно хлопают, пока он передает папку моему мужу, и они

ставят подписи. Я вижу улыбку Артема и очень рада, что ему по душе такой подарок.

Затем следует танец молодых. Я просто сгораю в руках мужа, прижимаясь к нему всем телом. Я безумно его люблю. Во мне все пылает от непонятного желания и да, я еще девственница. Мне одновременно страшно и ужасно любопытно, а еще я жду с нетерпением того момента, когда мы останемся одни. Наконец, этот момент настал.

Артем вносит меня на руках в номер для новобрачных в отеле Ритц Карлтон на Тверской и ставит на пол рядом с кроватью, усыпанную лепестками алых роз. Я оглядываю красивый номер и немного отвлекаюсь, чувствуя, как Артем поворачивает меня спиной к себе и начинает медленно расстегивать жемчужный ряд пуговиц на платье. Я почти забываю, как дышать, вся покрываясь мурашками от его рук и дыхания, которое щекочет мою шею.

– Ты очень красивая, – хрипло говорит Артем и поворачивает меня к себе.

Я смотрю в его глаза и тону в них. Моя любовь немного наивная, но я понимаю, что жить без него не смогу. Я боюсь первой близости, немного смущаюсь, но отдаюсь его властному и горячему взгляду. Артем приспускает тонкое кружево с моего плеча, трогая губами шею. Я выгибаюсь в его руках, делая глубокий вздох, подставляю ему пылающую кожу для поцелуя.

– Люблю, – выдыхаю я, когда платье падает с тихим ше-

лестом к моим ногам.

Остаюсь перед ним почти обнаженной в кокетливом розовом белье и тонких прозрачных чулках. Хочу снять белые туфельки на высоком каблуке, но Артем останавливает.

– Оставь, – мягко трогает рукой мою спину, прижимая к себе еще сильнее, – Не бойся, я буду осторожен.

Его голос обволакивает и успокаивает, но в то же время возбуждает так, что я чувствую незнакомое волнение. Сердце колотится, как бешеное и мне становится нечем дышать. Тянусь руками к его пиджаку и снимаю, откидываю на мягкое кресло у кровати. Закусив нижнюю губу, расстегиваю дрожащими пальчиками пуговицы на его белоснежной рубашке. Краснею, когда обнажаю загорелую грудь и не сдерживаюсь, целую туда, где бьется его сердце.

Наконец, мы почти обнажены, только на мне еще чулки и туфли, остальное все лежит на полу, превратившись в кучку розового кружева. Артем подхватывает меня снова на руки и опускает на постель. Лепестки роз холодят кожу, но я тут же перестаю думать об этом, когда его губы касаются моего тела. Я чуть подрагиваю от нетерпения, веду руками по спине мужа, очерчивая стальные узлы мышц. Артем красив, мне нравится трогать его, нравится ощущать под своими руками чуть прохладную кожу, но все мысли испаряются из головы, когда он целует. Жадно, яростно и в то же время мягко, чуть прикусывая губы.

– Сладкая девочка, – выдыхает муж и я понимаю, что сей-

час все произойдет. Обратного пути нет и я принимаю его в себя с болезненным стоном, который тут же тонет в его губах.

Я выбрала его, я отдаю себя ему без остатка, потому что люблю, потому что он мой на всю жизнь.

Глава 3. Утро после свадьбы

Просыпаюсь с улыбкой на счастливом лице. Еще не открывая глаз, пытаюсь распробовать в себе это чувство безграничного счастья. По всему телу приятная усталость, но она лишь делает шире улыбку на моих губах. Артем оказался страстным и очень нежным. Щеки начинают пылать, когда вспоминаю, что было ночью. Пусть я чувствую небольшую боль в каждой мышце и ощущаю дискомфорт внизу живота, но все это мелочи по сравнению с тем, что пришлось испытать моему телу. Первый раз в жизни я поняла, что значит заниматься любовью, как улетать и взрываться от невыносимо сладких и голодных спазмов внутри.

Вытягиваю руку из-под белоснежного одеяла, пахнущего лавандой и нащупываю пустую подушку, вместо ожидаемого тела любимого мужчины. Открываю глаза и сажусь на кровати, подтягивая одеяло на груди. Артем стоит, полностью одет, смотрит в большое панорамное окно. Я рассматриваю его фигуру и краснею, вспоминая, как целовала и трогала его такое сильное и желанное тело.

- Одевайся, – не поворачиваясь ко мне, говорит Артем.
- Что? – удивляюсь я. Его тон сухой, ничего общего с привычным и нежным. В его голосе присутствует сталь, на уровне грубости.
- Ты меня слышала, Рита? – поворачивается Артем и я

отшатыриваюсь, прижимаюсь голой спиной к холодной кожаной спинке кровати. Белоснежная мягкая кожа вызывает во мне эффект ледяного прикосновения, от которого меня передергивает.

– Что это значит? – я так удивлена, что почти теряю мысли. Вижу только этот взгляд, полный ненависти. Ненависти?!

– Ты все узнаешь чуть позже, а сейчас, я жду тебя через полчаса внизу. Пока выпью кофе, – говорит муж и покидает номер.

Я пугаюсь, страх забирается под кожу, схватывая холодными щупальцами сердце. Ничего не понимаю, что произошло. Может ему не понравилось то, что было у нас ночью? Но это не причина вести себя вот так, в наше первое совместное утро. Меня начинает колотить, и я резко встаю с кровати, пытаюсь как-то успокоиться. Принимаю душ, выкрутив воду почти до кипятка. Горячая вода меня обжигает, но холод внутри меня становится еще больше. Такому поведению мужа должно быть объяснение, ему придется все мне рассказать.

И что значит я жду внизу? Мы куда-то идем или это будет совместный завтрак? Теряюсь совсем, пока достаю из чемодана легкие светло-серые брючки и черную кружевную блузку без рукавов. На запястье золотые часики с мелкими бриллиантами, губы трогаю розовым блеском, чуть подкрашиваю ресницы. Спускаюсь в ресторан на первом этаже отеля и ищу взглядом Артема. Он сидит у бара и спокойно пьет кофе, я

знаю, его любимый американо, без сахара.

На муже элегантные темно-серые брюки и голубой джемпер, на руке черные Тиссо. Он привлекает внимание, я вижу взгляды женщин и оцениваю красоту мужа, к которой сама еще не успела привыкнуть. Перед Артемом лежит папка, которую вчера передал на свадьбе мой отец. Какая-то мысль проскакивает в голове, но я не успеваю за нее ухватиться. Артем поворачивается и его взгляд окидывает меня с головы до ног. Сердце останавливается, а потом болезненно запускается, отбивая в грудь. Взгляд мужа словно режет меня на куски: равнодушие и отвращение. Как такое может быть?!

– Почему ты не взяла свои вещи? – задает мне вопрос Артем и я открываю беспомощно рот, у меня просто пропали все слова.

– К-какие вещи? – спрашиваю его, заикаясь.

– Свои, Рита, свои, ты не вернешься больше в этот номер.

– Сегодня? – почему-то спрашиваю я.

Мы должны вечером улетать, Артем это имеет в виду?

– Ты действительно, дура, Рита, – морщиться Артем, а я снова открываю рот в удивлении. Как он меня назвал?!

– Артем, тебе не кажется, что нужно объяснить свое поведение? – наконец, оживаю я, оглядываюсь вокруг и вижу несколько заинтересованных взглядов, – Тем более не здесь устраивать разборки.

– Согласен, – тут же встает мой муж и расплачивается за свой кофе, – Я пришлю потом твои вещи к вам домой, по-

ехали, – Артем берет меня за руку и почти силой тянет за собой.

Если бы я не была в шоке от того, что мой муж за ночь из любящего и нежного мужчины превратился в злобное чудовище, я бы вырвала руку и устроила скандал прямо в холле. Но я почти бегу за ним, скольжу каблуками по мраморному полу, чуть не падая. Артем тянет меня на выход, где почти швыряет на заднее сидение черного лимузина. Сам садится рядом, не глядя на меня:

– Поехали, – говорит водителю, и машина плавно отъезжает от отеля.

Я смотрю на него, взглядом всматриваюсь в любимые черты, чувствую, как подступает к горлу истерика, которая сжимает болезненным комом. Артем смотрит в окно, не произносит ни слова. Я вижу тонко сжатые губы, сведенные брови, хочу коснуться его лица, забраться на колени, встряхнуть за плечи и потребовать ответа. Вместо этого просто сижу и смотрю на него.

– Не нужно так смотреть на меня, Рита, – поворачивается он ко мне.

– Как?

– Поверь мне, у меня есть причины так себя вести, – грубо отвечает он и снова отворачивается.

– Я хочу услышать, что случилось, – сдерживая дрожь в голосе, требую объяснений.

Кривая улыбка скользит по красивым губам, но Артем да-

же не поворачивается, только тихо произносит:

– Мне плевать, что ты хочешь, скоро все узнаешь, – отвечает он.

Я тоже отворачиваюсь к окну, сжимаю кулачки, впиваясь ногтями до боли в кожу. Хорошо, я подожду. За мной нет никакой вины, я знаю, возможно это какая-то ошибка и мой муж просто из-за чего-то расстроился. Артем все мне объяснит, я верю в это, ведь он любит меня, я знаю, я это чувствовала раньше. Нельзя так притворяться, Господи, ведь нельзя же ТАК играть свою любовь!

Глава 4. Месть

С удивлением увидела, что подъезжаем к дому моих родителей, обернулась к Артему, но тот даже не посмотрел на меня. Я уже терялась в догадках, но немного успокоилась, всему и всегда есть объяснение. Артем вышел из машины, которая остановилась у крыльца двухэтажного особняка, а водитель открыл мне дверь. На крыльцо поднялись вместе, но как чужие. Муж даже не предложил мне руку, как делал это обычно. Хотелось остановиться, повернуться к Артему и крикнуть в лицо «Ты что творишь?!», но не хватало смелости. Да, я трусиха и в свои девятнадцать лет не сталкивалась еще с таким. Еще бы понять с чем именно я встрети-лась сегодня утром, а точнее с кем. Этого человека я не знала от слова совсем. Артем за одну ночь стал совсем другим. Где мой ласковый и нежный муж, который носил меня на руках, дарил подарки и любил всю прошлую ночь, сделав са-мой счастливой женщиной.

Дверь открыла домработница и вежливо поздоровалась, проводила нас в гостиную, словно я не жила тут с самого рождения. Стало бы смешно, если бы не вся эта бредовая ситуация.

– Маргарита? – мама спустилась со второго этажа по широкой лестнице из белого мрамора. Смотрит на меня встре-вожено, переводит внимательный взгляд на Артема, – Что

случилось? Вы должны уже собираться в аэропорт.

– Не знаю, он объяснит, – ответила я, падая в мягкое кресло. Ноги отказывались держать меня, да и стало вдруг все равно, что будет дальше. Я уже начала понимать, что Артем разрушил наш брак, который даже не успел начаться. Только вот зачем, я не могла понять.

– Владимир Борисович у себя? – словно выплюнув имя папы, спрашивает Артем.

Мама пораженно смотрит на зятя и кивает. Артем снова хватает меня за руку, тянет за собой. Я сердито вырываюсь и встаю с кресла, иду за ним по широкому коридору в кабинет папы. Артем не стучит, просто открывает дверь и входит, где его манеры, я просто в шоке.

– Артем? – слышу удивление в голосе папы, – Рита? Вы, почему здесь?

Артем ждет, пока я войду, и закрывает дверь кабинета перед лицом моей мамы. Папа хмурится, но молчит. Он, как и я не понимает, что происходит. Мой муж усаживается в широкое кожаное кресло напротив стола папы, а я на такой же диван из черной кожи. Мне всегда нравился папин кабинет с его громоздкой богатой мебелью, широким столом из красного дерева. На противоположной от дивана стене изящный шкаф, заполненный бумагами и книгами. На полу красный шелковый ковер, на окнах тяжелые бархатные портьеры. Здесь все было пропитано властью и достатком, кабинет был олицетворением моего отца.

– Слушаю, – папа садится, сложив руки на столе. В кабинет тихонько просачивается мама и садится рядом со мной. Берет в руки мои ледяные ладошки, хмурится, сжимает их, пытаюсь согреть.

– Николай Михайлович Нефедов, – произносит Артем, и я вижу, как с лица папы сходят все краски. Раскрываю широко глаза, не может быть! Мой папа никогда так не выглядел: лицо за секунду стало бело-серым, в глазах появилась какая-то ненависть.

– Это имя мне знакомо, – произносит папа, поджав губы.

– Я хочу услышать ответ, почему пятнадцать лет назад вы бросили своего друга, прибрав к рукам его бизнес. Так же вы отобрали у его семьи все, в том числе дом, деньги, выгнали на улицу.

– Николай вложил все деньги в ненадежный проект, занял у меня на его развитие, он все потерял. В этом только его вина, – пытается оправдаться папа. Я перевожу взгляд с отца на мужа, начиная догадываться, кто перед нами, – Какое отношение к Нефедову имеешь ты?

– Я – сын Николая Нефедова и я был в том кабинете, когда мой отец покончил собой. Выстрелил себе в висок на глазах у сына.

Я охаю, прикрыв ладонью рот, мама рядом тоже становится такой же белой как отец.

– У вас разные фамилии, – с шумом выдыхая, говорит папа.

– У меня фамилия матери, – тут же отзывается Артем.

– Но мы все проверяли! – ударяет ладонью по столу папа, – Нигде не было сказано, что ты сын Николая, а твоя мать его вдова!

– Владимир Борисович, вам не кажется, что если бы я решил наказать вас за смерть отца, то первым делом не пришел бы и не рассказал вам все, как есть?

– Почему нет? – удивляется папа, – Я не виноват в смерти Николая, он сам доверился не тем людям.

– Да что вы говорите? – зло ухмыляется Артем, – А имя Сергея Валентиновича Агафонова вам тоже ничего не напоминает? – издевательски произносит мой муж.

– Это мой заместитель.

– И по чьему приказу ваш заместитель скупал все активы по самой дешевой цене, переводил все на подставные фирмы и тем самым просто ограбил моего отца?

– Не было такого! – тут же привстает в кресле отец.

– Вот, здесь все документы, – швыряет папку, которую принес с собой Артем на стол к отцу, – Завтра мои юристы, точнее уже сегодня, запускают процесс банкротства вашей компании. На данный момент у меня 55% ваших акций, часть которых вы сами вчера мне так добросердечно подарили. У вас больше нет ни копейки, Владимир Борисович. Завтра вы должны будете отдать акционерам суммы, что они потребуют, а значит, у вас больше нет счетов, больше нет этого дома. Я уничтожу вас, Владимир Борисович, вас и ва-

шу семью, как вы расправились с моей, – в голосе Артема столько злости, что мне становится плохо. «Как это у нас нет ничего?!»

Глава 5. Я – отомстил!

– Ты не сможешь сделать все это, – говорит папа и Артем усмехается, разглядывая побелевшее лицо папы и желваки, которые нервно ходят на шее.

– Я уже сделал, я – отомстил, – встает с кресла Артем и идет к двери, – Кстати, ваша дочь провела со мной ночь, теперь вам придется потрудиться, чтобы продать подороже подпорченный товар. Да и кто возьмет ее без денег, – бросает взгляд на меня Артем. Мне неприятно, мне больно, но я ни за что не покажу этому чудовищу насколько.

– Ах ты, щенок! – вдруг кидается папа из-за своего стола на Артема.

Мы с мамой визжим, шарахаясь в сторону от сцепившихся мужчин. Артем явно сильнее, выше и шире отца в плечах. Быстро заводит руки папы за спину, заставляя того упасть перед Артемом на колени. Наклоняется и шипит ему в лицо:

– Ты проиграл, Смирнов, будь мужчиной, пусти себе пулю в твою дерьмовую голову, – Артем выпрямляется и выходит из кабинета, громко хлопнув дверью.

– Папа! – бросаюсь я к отцу, обнимаю за шею, реву, тыкаясь в грудь.

– Подожди, котенок, нечем дышать, – пытается сказать отец, и я отстраняюсь, вглядываясь в лицо. Губы у папы синие, дыхание частое и поверхностное.

– Володя! – мама тоже пытается помочь встать отцу, но тот вдруг сгибается с тихим стоном, полным боли.

– Маша, – выдыхает папа и падает на пол, делая последний вздох.

Мы с мамой стоим в оцепенении несколько секунд, пока я не падаю перед отцом на колени и начинаю расстегивать его рубашку:

– Мама, скорую! – кричу ей, и она оживает, кидается к столу, набирает телефон скорой пытаюсь попасть дрожащими пальцами в цифры.

Разрываю рубашку отцу, так как нет времени, срываю галстук. Кладу его на спину и начинаю делать искусственное дыхание. Мои ладошки слишком маленькие, отец для меня крупный, но я упорно пытаюсь давить на грудь. Вспоминаю, чему нас учили в школе, применяю все свои знания. Чувствую, что не дотягиваю.

– Мама, позови кого-нибудь из охраны, – кричу ей, и она срывается, выбегает в коридор, зовет на помощь.

Через секунду комната наполняется людьми, пара охранников отца отстраняют меня от тела и начинают сами, дружно работать руками. Сколько времени прошло, мы должны успеть, мы спасем папу, без него у нас ничего не получится. В нашей семье всегда все решал и делал папа.

Скорая приезжает, когда уже поздно, слишком много времени прошло. Вадим, один из охранников закрывает ладонью раскрытые глаза отца.

– Все, – говорит он и меня срыгает, я падаю в пропасть с диким криком.

Бросаюсь на колени рядом с папой и плачу, трогаю его руки, лицо.

– Папа, папа, – кричу я, пытаюсь поднять его, заставить встать.

Чьи-то руки подхватывают меня, оттаскивают, я сопротивляюсь и даже не чувствую, как в вену входит тонкая игла. Все начинает кружиться и превращаться в один сплошной черный туман, а потом ничего, пустота. Лишь одна мысль всплывает в конце, а точнее издевательский голос моего мужа: Я – отомстил.

Как часто человек пытается оттолкнуть от себя горе? Забить голову другими мыслями, отвлечься работой, чтобы просто не сойти с ума, не пустить чудовищную боль прямо в сердце. Она там может поселиться, начать сжигать изнутри, сделать невыносимой твою жизнь. Ты словно тень, кружишь над собой, смотришь словно через какой-то вакуум на все и отводишь взгляд. Тебя ничего не удивляет, ничего не трогает. Проходят дни, которые ты не замечаешь, вокруг тебя люди, которые ничего не значат.словно тебя нет, чувств нет, слов и звука. Ты уже охотно подставляешь руку для очередного укола, смотришь на тонкую иглу, что входит под кожу. Ждешь этого, так как после ничего не чувствуешь. Даже нет никаких снов. Встаешь только в туалет и со страхом отшатываешься от зеркала в ванной, откуда на тебя смотрит пу-

гающе бледная девушка с темными провалами вместо глаз. Возвращаешься на кровать и снова ждешь, только вот знать бы, что так упорно ждешь.

Я лежу у себя в комнате на кровати и смотрю на поднятую руку. Такая тонкая изящная кисть с голубыми прожилками вен. Кисть скрипачки, музыканта, с коротко обрезанными маленькими ноготками. Да и сами пальчики маленькие, хрупкие, люблюсь ими, а в голове пустота. Папа всегда мечтал, что я стану великим музыкантом, я его понимаю, кто из родителей не хочет видеть талант в своем ребенке. Я была талантлива, как говорили учителя, я растворялась и жила в музыке, но не сейчас. Сейчас я ее не слышу, ни в себе, ни в ком-то другом. Я вообще мало, что слышу.

Ко мне иногда в комнату заходят какие-то люди, что-то спрашивают, но я молчу, просто лежу и смотрю в потолок или, как сейчас, на свою кисть. Я двигаю рукой, плавно сгибая руку, слежу, как меняется отражение яркого света, когда сдвигаю пальцы.

В комнату кто-то заходит и рядом со мной проминается кровать. Руки мамы опускаются на мои волосы и чуть поглаживают.

– Рита, я понимаю, тебе сложно, но нужно встать и пойти. Потом ты будешь жалеть, что не проводила папу, – мама говорит тихо, и я резко сжимаю руку в кулачок.

Мир вокруг меня вращается, мелькают картинки, становясь черными. Все, как в черно-белом кино: дождь, мокрая

земля с глиной, могила. Я подхожу, целую отца в холодный лоб, смотрю в родное лицо, которое узнаю с трудом. Цепляюсь за бортики из полированного красного дерева и замечаю обручальное кольцо с бриллиантом на своей руке. Резко отстраняюсь, сдергиваю с пальца драгоценность и размахиваюсь, бросаю в могилу. Яркая искорка исчезает в темноте, растворяясь и не оставляя следа. Теперь я даю обещание, теперь моя очередь шептать клятвы, все возвращается Нефедов-Рязанцев, все вернется.

Глава 6. Завещание

На следующий день после похорон папы, нас с мамой посетил нотариус, чтобы ознакомить с завещанием. Мне было непривычно сидеть в папином кабинете и видеть в его кресле чужого человека, это казалось чуть ли не кощунством к памяти отца.

– Ну что, Мария Леонидовна и Маргарита Владимировна. Сочувствую вам в вашей утрате, но такова жизнь, – развел руками нотариус, раскладывая на столе документы из папки, – Могу сказать, что ваш муж, Мария Леонидовна был замечательным человеком и хорошим бизнесменом, нда.

Все немного помолчали, вспоминая папу, а я откинулась на спинку кожаного дивана, прикрыв глаза. Нотариус начал перечислять счета, недвижимость за границей, квартира в Москве, ту, что подарили мне, осталось только переоформить, но папа не успел. Я там и была то один раз, в день, когда мне исполнилось восемнадцать. Зачем мне жилье, но папа сказал нужно и отвез меня туда, чтобы я увидела подарок, и положил в руку ключи.

Квартира была большая в высотке с панорамными окнами на Москву – реку, двухуровневая, пять комнат. Зачем мне столько одной, я не знала, но папа сказал что-то про вложение денег, и я перестала слушать. Никогда не вдавалась в тему бизнеса, где все эти биржи, акции и где моя скрипка.

– Так вот, теперь вы, Маргарита Владимировна, по поводу счета, который ваш отец открыл при вашем рождении. Им сможете пользоваться, когда вам исполнится двадцать один год. По завещанию вы получаете: виллу в Греции на острове Пелопоннес, небольшой домик в Испании в районе городка Тосса-де-Мар, к тому же вам обоим принадлежат апартаменты в Лос-Анджелесе. Владимир Борисович приобрел их, чтобы не останавливаться в отеле, когда ездил туда в деловые поездки. И это все, – нотариус сложил документы и снял очки.

– Как все? – удивилась мама, – Володя был одним из учредителей огромного холдинга, а фирмы, счета?

– Все это заморожено до того времени, пока идут разбирательства по холдингу, – ответил нотариус.

– Какие разбирательства?

– Все акционеры, кроме одного, потребовали срочный возврат своих активов, а это я вам скажу огромные суммы, учитывая проценты.

– Кроме одного? Кто это? – заинтересовалась вдруг я.

– Это не секрет, его имя Рязанцев Артем Николаевич, – кивнул нотариус, и я со вздохом прикрыла глаза рукой.

– Сволочь, – выдохнула мама, – Неужели ничего нельзя сделать, чтобы этому паразиту ничего не досталось?

– Я в таких делах не компетентен, – начал складывать бумаги в коричневый кожаный портфель нотариус, – В наследство вы сможете вступить, как все акционеры получают свои

деньги обратно. Если суммы холдинга не хватит, когда фирму продадут, тогда у вас изымут квартиры и возможно, я повторяю, возможно, обнулят счета.

– А этот дом? – с испугом спросила мама, – Он достался мне от моих родителей, дом не имеет отношения к наследству!

– Как супруга ныне покойного одного из глав холдинга, ваше имущество тоже может пойти в счет погашения долгов, – нотариус встал из-за стола и подошел к нам. Наклонился и поцеловал ручки обеим:

– Еще раз повторяю, очень сочувствую вашему горю, такие замечательные женщины, – вздохнул он и поклонился, вышел из кабинета.

Мы какое-то время сидели с мамой в напряженном молчании, обдумывая ситуацию, пока она не повернулась ко мне, мягко тронув за руку:

– Я схожу к нему, – горячо сказала она, – Если нужно, буду умолять. Ни одна фирма не может так быстро вывести свои активы, это просто самоубийство. Он специально это делает, но теперь Володи нет, кому Артем мстит?

– Не называй его имя, – прошипела я сквозь зубы, – Слышать про него не могу.

– Я пойду к нему, на колени встану, – решительно поднялась с дивана мама.

– Думаешь, такой, как он расплатится, когда увидит тебя? – криво усмехнулась я, – Лучше остаться без всего, толь-

ко не унижаться перед ним. Он этого и ждет.

– Мне все равно, что он подумает! – вскрикнула мама, заламывая руки, – Ты представляешь, какая жизнь нас ждет? Я никогда так не жила, Рита. Я даже на автобусе и метро никогда не ездила, как ты предлагаешь теперь жить?

– Ничего, привыкнем, я тоже не ездила на метро, – ответила ей, вставая с дивана.

Провела рукой по мягкой коже, чувствуя чуть прохладную гладкую поверхность.

– Нет, я так не смогу, – решительно ответила мама и вышла из кабинета, оставляя открытой дверь.

Я прошла к шкафу, рассматривая фотографии в тяжелых позолоченных рамках: здесь было несколько снимков папы со мной в разном возрасте. Тут он держит меня на руках, где мне полгода, примерно. Я в розовых ползунках и мы оба чему-то смеемся. На другой мы на катке: папа и я стоим в коньках на льду, улыбаемся маме, которая нас фотографирует. А вот и мама с папой, их свадьба, какие они здесь молодые и красивые. Мама, конечно, и сейчас у меня красавица, ей еще и сорока нет. Папа был старше ее на двенадцать лет. Они встретились на каком-то приеме, и как мама говорила, увидела его и все, пропала навсегда, как я, когда увидела Артема.

Поморщилась, снова вспоминая ненавистное мне имя. Какая же я наивная дурочка, правильно мой муж меня так назвал. Не заметила, не почувствовала, влюбилась с закры-

тыми глазами в мужчину, которого, как оказалось не знала совсем. Артем показался мне принцем из сказки: высокий, красивый, воспитанный. Когда он вошел в зал, где устраивался благотворительный бал, я сразу увидела в толпе его фигуру в черном смокинге. Вокруг было полно таких мужчин, одетых также, но меня словно толкнуло что-то, заставляя посмотреть в широко раскрытые, белые с золотым рисунком двери. Артем стоял там, разглядывая кружащиеся в танце пары, одна рука в кармане, вторая вдоль бедра. Волосы собраны в небольшой хвост на затылке. Я не могу объяснить своих чувств, тогда мне казалось, что это просто судьба. Меня потянуло к нему словно магнитом, я сделала пару шагов в его сторону, когда наши глаза встретились. Все, невидимые нити протянулись от моего сердца прямо к нему, и я пропала. Оказалось, что все это ложь. Игра моей буйной девичьей фантазии, ничего больше. Это не любовь, как я думала, это нас свела ненависть, только теперь взаимная.

Глава 7. Начало конца

Через неделю после похорон папы, я спустилась утром к завтраку, уже одетая в темно-синее платье длиной до колен. На шее белел кружевной воротничок, волосы заплетены в косу и уложены короной на голове. Долго стояла у зеркала в ванной, пытаясь скрыть темные круги под глазами. Я очень плохо спала, мне каждую ночь снился папа, заставляя просыпаться с бешено колотящимся в груди сердцем. Нет, он меня не пугал, просто сидел в своем кабинете и смотрел меня с молчаливым осуждением, постукивая золотой ручкой Паркер по столу. Эту ручку я ему подарила два года назад на его юбилей, пятьдесят лет, и он с ней не расставался. Пыталась найти ее, но не смогла, куда она делась, непонятно. Этот стук во сне я слышала даже после того, как просыпалась, мне казалось, что стук что-то отсчитывает своими ударами, только вот что?

Маме я про этот сон старалась не рассказывать, да и зачем лишний раз ее расстраивать. Я и так заметила, что она слишком часто пьет таблетки, которые ей выписал врач и не думаю, что не превышала дозу. Скорее всего тоже не могла спокойно уснуть. Я вообще не представляю, как она жила без папы, они действительно любили друг друга, это было видно в их жестах, взглядах, словах. Даже когда они спорили, что бывало довольно часто, папа никогда не повышал тон, а

мама говорила и говорила, пытаясь доказать правоту. Но все заканчивалось обычно словами папы:

– Маша, ты все? Выговорились? – спрашивал он, строго прищулив глаза.

– Да, – выдыхала мама.

– Хорошо, – соглашался папа и они ехали куда-нибудь в ресторан, в кино или вообще уезжали на несколько дней из страны.

Я только удивлялась таким отношениям, и они казались мне правильными, самыми лучшими, настоящими.

– Доброе утро, мама, – подошла к столу и поцеловала в щеку мать, которая ответила тем же, не взглянув на меня, – Что на завтрак?

Оглядела стол в поисках привычных блюд, накрытых серебристыми крышками, но их не было. На небольшой тарелке лежали тосты и рядом стояло блюдечко с маслом.

– А что с едой? – удивилась я.

– Нина уволилась, – ответила мама, а я так и села на стул.

– Как?

– Так, решила, что мы больше не сможем ей платить.

– Но она работала у нас лет пятнадцать или больше? Тем более мы никогда не задерживали выплаты.

– Вчера задержали, – мама отложила телефон и отпила чай из чашки, – Счета заморожены, выплаты персоналу не поступили. Еще сегодня мы лишились водителя и одной из горничных. Завтра уйдут остальные. Ты представляешь, они

требовали у меня денег! – вдруг всхлипнула мама, – За последний месяц им не заплатили.

– Какой ужас! – тихо возмутилась я.

Аппетит пропал, его и так последнее время почти не было, а тут при взгляде на эти подгоревшие тосты, к горлу подкатила легкая тошнота.

– Я знаю, что делать, – вытерла слезы мама и встала из-за стола, – Мне рассказывала одна из бывших подруг, когда ее мужа арестовали по подозрению в мошенничестве, она сдавала свои драгоценности в ломбард. Может мне, стоит поступить также? – мама посмотрела на меня, спрашивая совета.

– Не думаю, что это хорошая идея, – не согласилась я, – Одно дело продать что-то через знакомых ювелиров, а другое сдать в ломбард. Мне кажется, ты получишь намного меньше, чем стоят твои бриллианты.

– Да? Не думала об этом, – удивилась мама, – Но хорошо, я узнаю подробнее, ты же сама понимаешь, что просто так об этом не спросишь на улице, а Катя и Светлана, почему — то не отвечают на мои звонки, наверное, уехали куда-то, – мама пошла в сторону папиного кабинета, а я задумалась.

То, что банкирша Екатерина Куверина, и жена владельца сети аптек Светлана Бондарева не отвечают, было подозрительно. Это были лучшие мамини подруги, я их помню еще с детства. Они были у нас на всех приемах, праздниках и на моей свадьбе тоже, с чего вдруг эти две так резко пропали? Бондарева вообще была моей крестной. Нужно позвонить ей

сегодня, узнать, может что случилось. Зачет сдам, у меня сегодня итоговый концерт с оркестром, после него и позвоню.

Выпила чашку чая и заторопилась в холл, подхватила с вешалки свое кашемировое пальто мягко рыжеватого цвета и высокие сапоги из коричневой кожи.

– Рита, а как ты поедешь? – появилась мама из кабинета и я замерла, всунув руку лишь в один рукав пальто, – Водителя нет.

– А кто есть?

– Из охраны, возможно, кто-нибудь отвезет, – с сомнением сказала мама и тут же решительно подошла ко мне, натягивая на плечи свою шубку из лисы, – Пойдем, попрошу кого-нибудь.

Мы вышли из дома и направились в сторону маленького домика у ворот, там у нас сидела охрана.

– У меня есть права, – сказала я маме, но тут же прикусила губу. Права то я получила, но никогда не ездила, после того, как сдала экзамены. Мне по сути и не нужны они были.

– Чтобы ты водила машину? – возмутилась мама, – Ни за что! Это самый опасный вид транспорта!

– Придется, видимо, – фыркнула я.

Минут через десять мы выехали из ворот нашего особняка, моим водителем на сегодня стал Александр, один из охранников.

– Во сколько вас забрать Маргарита Владимировна? – он посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

– Я позвоню, Саша, – ответила ему, пристраивая на колени кейс со скрипкой, – Пока не знаю во сколько закончиться концерт.

– А после? Могу пригласить вас в ресторан? – улыбнулся наглой улыбкой водитель и я вздохнула. Пока был жив папа, такого себе никто бы не позволил.

– Спасибо, Саша, но мне не до ресторанов сейчас, – грустно улыбнулась симпатичному парню.

– Ну надо же, какая цаца, – тихо проворчал он, выруливая к зданию консерватории.

Я выскочила из машины, чуть не падая на асфальт. «Какая наглость, что он себе позволяет!». И тут же одернула себя, да, теперь все можно, я уже не дочь богатого и влиятельного человека, я просто никто.

Глава 8. Чужие люди

Концерт я отыграла из рук вон плохо, мой педагог только покачала головой, но ничего не сказала. Главное, зачет я сдала и теперь у меня начнется подготовка уже к экзаменам, итоговый концерт.

– Я понимаю твое состояние, – высказалась Юлиана Михайловна, которая была моим главным куратором, – Но это не повод проваливать зачетный концерт, Рита.

– Я знаю, – вздохнула в ответ, складывая скрипку в кейс.

Полированное красное дерево было будто теплым, эту скрипку, безумно дорогую, мне тоже подарил папа, когда я поступила в консерваторию им. Чайковского, на кафедру скрипки. Мне нравилось тут учиться, я с удовольствием занималась, но сейчас Юлиана Михайловна права, что-то во мне сломалось.

– Рита, артист всегда артист и неважно, какие у него трагедии в жизни, – продолжала мой педагог, доцент кафедры, – Ты должна выйти и сыграть так, чтобы все поняли, что у тебя на душе. Нужно выплеснуть свою боль, показать всем свою силу, трагедию твоих переживаний, просто совместить это с музыкой.

– У меня не получится.

– Придется сделать так, чтобы получилось, – строго ответила Юлиана, – Ты музыкант, расскажи всем о своем горе,

сыграй это на своей скрипке, не держи в себе. Иначе ты закроешься и станешь недоступна для музыки, которую больше не услышишь в себе. Надеюсь, ты понимаешь, что я тебе говорю?

– Да, – склонила я голову.

На глаза навернулись слезы, но я попыталась подавить их, проглатывая ком в горле. Она права, но мне просто нужно время.

– Зря ты вышла так быстро, после того, что произошло. Насколько я знаю, ты отпрашивалась на месяц, в связи со свадьбой. Почему ты не уехала?

– Так получилось, – неохотно ответила я, защелкивая серебристые замки, – Скорее всего я воспользуюсь вашим предложением и позанимаюсь дома. Буду готовиться к отчетному концерту самостоятельно.

– Я могу приехать к тебе пару раз, прослушать, – согласилась Юлиана.

– Было бы неплохо, – через силу улыбнулась я, – До встречи.

– До свидания, Рита и помни, что я тебе сказала, – пожала мне руку педагог и вскоре я вышла из здания консерватории.

На улице моросил ледяной дождь, и я вспомнила, что нужно позвонить Саше, чтобы он приехал за мной. Набрала его номер, он обещал скоро быть. Пока ждала его, решила позвонить Бондаревой. Тетя Света взяла трубку после долгого ожидания, я уже думала, что не ответит:

– Тетя Света, привет, – начала я бодро, – Мама не может до вас дозвониться, вы куда пропали? И на похоронах вас не было.

– Зачем? – сухо спросила Бондарева, отчего я потеряла дар речи.

– Как зачем, – проямлила я, настолько удивилась, что растеряла все слова.

– Рита, наша семья не поддерживает отношения с теми, кто не входит в наш круг. Мы стараемся не общаться с чужими людьми, сама понимаешь.

– Это мы-то чужие? – удивилась я.

– Да, надеюсь, ваши неприятности закончатся, но на данный момент не считаем нужным впускать в свой круг совершенно посторонних нам людей.

– Но... – начала я, слушая короткие гудки в трубке. Ничего не поняла, если честно. Мы с мамой посторонние люди?! С чего бы это.

Внезапная злость просто затопила меня с головы до ног, прокатившись жаром по телу. Посторонние люди, мы с мамой? Вот как! Сжала кулачки до боли, чувствуя жесткую кожу ручки от кейса. Мама не поймет, она верит в своих подруг. Для нее это будет такой удар, что я не могу себе представить его последствия. Значит, Кувериной тоже можно не звонить. Мама и эти двое дружили давно, если Бондарева от нас отказалась, то и Куверина тоже.

Саша подъехал и вышел из машины, поднимая ворот-

ник черного пальто, открыл мне заднюю дверь. Быстро села, устраивая на сидении кейс с каплями дождя на кожаных боках.

– Домой? – спросил охранник, ныне водитель.

– Нет, отвези меня на работу к отцу, – ответила я, принимая решение, – Точнее в офис холдинга.

– Понял, – кивнул Саша и машина мягко тронулась с места.

Дворники еле справлялись с дождем, что уже разошелся во всю силу, превратившись в сильный ливень. Видимость была практически нулевая и фары встречных машин тонули в размазанном водном тумане. Зачем я еду к своему мужу? Что хочу от него услышать? Вымолить прощение за то, что я не совершала, вернуть все, как было? А как же папа, его не вернешь. Но я помогу маме, она не выживет в таком мире, который от нее отвернулся.

У высокого здания офиса немного помедлила, всматриваясь в стеклянный фасад здания. Сколько раз я приезжала сюда к папе, проходила в его кабинет и долго сидела там тихо играя в углу или делая уроки. Папа никогда не выгонял меня, не говорил, что я ему мешаю. Иногда сам велел приехать к нему дочь, если я по какой-то причине не приезжала. Да, то время прошло и теперь я уже стою у тяжелой двери в папин бывший кабинет и смотрю на новую табличку, где на черном фоне золотыми буквами написано «Генеральный директор Рязанцев Артем Николаевич». Мой муж.

Собрав всю волю и выдохнув, нажимаю на ручку и открываю дверь. Вижу в приемной секретаря, которая хорошо меня знает и встает из-за стола, поправляя серый в полоску костюм:

– Маргарита Владимировна, здравствуйте, – вежливо улыбается женщина лет сорока пяти. Татьяна давно работает с моим папой, значит и новый директор ее оставил. Хорошо, что для персонала здесь ничего не поменялось.

– Артем Николаевич у себя? – спрашиваю ее, и она кивает, выходит из-за стола.

– Сейчас спрошу, примет он вас или нет.

– Татьяна, я его жена, – напоминаю ей, и женщина замолкает, виновато отводя взгляд, – Я сама разберусь со своим мужем.

Решительно открываю дверь и вхожу в кабинет, сталкиваясь с острым взглядом стальных глаз, которые тут же режут меня по живому. Кажется, что я вся покрыта болезненными ранами, особенно в области груди: пульсирует и ноет боль, отдавая по всему телу. Артем откидывается на спинку кожаного кресла и смотрит на меня, потом усмехается и откладывает в сторону какие-то документы:

– А-а, дочь предателя, – муж кривит губы в злой улыбке, – Пришла просить милостыню?

Глава 9. Тебе некому мстить

Замираю на долю секунды на пороге, но тут же внутренне одергиваю себя. Прохожу к столу и сажусь в кресло напротив стола, не сводя взгляда с моего пока еще мужа. Молчание затягивается, и я не могу заставить себя произнести ни слова. Я вижу эти глаза, руки, губы, которые люблю до сих пор, несмотря ни на что. Мое сердечко трепыхается в груди, как у испуганной птички и в то же время заходится от счастья. Я словно ласкаю Артема взглядом, замечая на нем черную рубашку, золотые часы, волосы в небрежном, но элегантном пучке на затылке.

Муж не прерывает молчание, он просто ждет, что я начну первой. А я вдруг спотыкаюсь на его правой руке, там нет обручального кольца. Так вдруг становится больно, что еле дышу, хочу сжаться до минимального размера, уползти в норку и тихо там рыдать, загибаясь от горя. Но резко поднимаю взгляд и сталкиваюсь с живой сталью, которая жжет меня, выжигая по кусочкам.

– Зачем ты пришла? – без капли интереса спрашивает Артем. Я слышу равнодушие в его голосе и раздражение. Ему не понравился мой приход.

– Я хочу, чтобы ты прекратил травлю нашей семьи, – ну вот я и сказала, пытаясь вложить в голос всю силу, что еще осталась у меня. Стараясь не пищать от страха перед ним и

не допустить в голосе умоляющих нот.

– Почему, я должен это сделать?

– Папы больше нет, тебе некому мстить, – говорю ему очевидные вещи, но это почему-то вызывает в нем смех.

– Не важно, я дал обещание своему отцу, что отомщу всем вам, всем Смирновым, – Артем швыряет на стол свою ручку, и я вижу, что это золотой Паркер моего отца.

Ручка катится по полированному столу и падает на пол, прямо к моим ногам с таким грохотом, что я вздрагиваю. Наклоняюсь и поднимаю ручку, разглядывая ее.

– Это ручка моего отца? – спрашиваю Артема и тот кивает, – Как ты можешь держать в руках вещь предателя? Сидеть в его кабинете, в его кресле, за его столом? Дышать воздухом, которым дышал он?

– Мне это все доставляет удовольствие, – говорит, выделяя каждое слово Артем и наклоняется ко мне, опираясь локтями о стол, – Мне доставляет удовольствие все то, к чему больше никогда не сможет притронуться твой отец. Я получаю кучу восторженных ощущений, зная, что он переворачивается у себя в гробу, видя, как страдаете вы. И мне все это нравится, очень!

– Ты – больной, Артем, – выдыхаю я, – Мы с мамой ничего тебе не сделали, а папы больше нет. Ты не можешь наказывать нас! Мне было всего четыре года пятнадцать лет назад, я даже ничего не знала о тебе и твоём отце, семье.

– Правильно, – снова откидывается на спинку кресла

муж, – Потому что тогда, моей семьи и не стало. Грехи отцов, слышала такое? Это расплата.

– Хорошо, мсти мне одной, оставь маму в покое, она не может, как обычный человек, для нее все это большой стресс.

– Научится, моя мать научилась, не сломалась и твоя никуда не денется. Все, уходи, у меня больше нет времени на пустые разговоры, – Артем встает из-за стола и ждет, пока я тоже встану.

– Ты пожалеешь, Артем. В жизни все возвращается, все, что ты делаешь плохого, вернется к тебе вдвойне.

– Вот я и вернул, вам, – делает нетерпеливый жест рукой в сторону двери.

Демонстративно сжимаю ручку в руке и открываю сумочку, убираю туда. Артем ухмыляется, проследив за моими действиями, но молчит.

– Последний вопрос, наша брачная ночь. Ты меня совсем не любил? Все, что было ночью – это игра? – меня начинает потряхивать, но я хочу это знать. Зачем мне это, непонятно, но хочу и все.

– Ну почему же, ты милая, красивая. Пришлось ненадолго забыть, что ты дочь самого заклятого моего врага, но свое удовольствие я получил.

Подлетаю к нему и с размаху опускаю ладонь на его щеку, обжигая себе кожу ударом. Глаза Артема тут же загораются звериной яростью, его рука сжимает мое запястье до боли,

заставляя охнуть.

– Пошла вон, – сквозь зубы рычит муж и отталкивает меня от себя, отпуская руку, – Чтобы больше я тебя не видел.

Открывает дверь, и я вылетаю из кабинета. Слышу, как позади меня с грохотом хлопает дверь, замираю в приемной. Хочется заорать, затопать ногами, разрыдаться в конце концов, чтобы выплеснуть из себя дикую ярость и обиду. Молча потираю руку и не прощаясь, покидаю приемную, под удивленным взглядом Татьяны. Мой муж – зверь, дьявол в человеческом обличье, в нем столько ненависти, что мне никак не пробиться сквозь эту бетонную стену. Его ненависть не имеет предела и ничем не обоснована. Мстить двум одиноким женщинам – это подло и недопустимо, но видимо не для моего мужа.

Спускаюсь на лифте и прохожу мимо охраны, стараясь не сталкиваться ни с кем взглядом, но меня вдруг подхватывают под локоть и разворачивают к себе. Поднимаю взгляд и вижу заместителя моего отца, Агафонов. Вот кто мне нужен, сразу возникает спасительная мысль и я сама не понимая, что делаю, просто падаю ему на грудь, захлебываясь от рыданий. Твердая рука пожилого человека опускается на мои плечи и слегка сжимает:

– Рита, ты что... – басит Агафонов, – Пойдем в мой кабинет, – добавляет он и уводит меня к себе, скрывая от любопытных ушей и глаз. Иду за ним, как послушная девочка, что мне еще остается. Агафонов моя последняя надежда, правая

рука папы, он должен помочь.

Почти вталкивает меня в свой кабинет и закрывает дверь, усаживает в кресло. Наливает стакан воды, открыв бутылочку минералки из холодильника в углу. Сам садится напротив и ждет, пока я успокоюсь. Пью жадно воду, стучу зубами по стеклу, пытаюсь подавить остатки рыданий.

– Рассказывай, – приказывает Агафонов и я наконец отрываюсь от стакана с водой. Смотрю на мужчину, который сидит передо мной. Высокий, худой, с ястребиным носом и глазами, которые похожи на щелки, он опасный мужчина, мне так кажется, и я всегда это знала, хотя повода не было. Почему у меня к нему такое отношение, я не знаю, но больше мне доверять некому.

– Я хочу все у него забрать, – ставлю стакан на стол и снова смотрю на Агафопова, – Все!

Глава 10. Еще один удар

Вышла от Агафонова, даже забыв попрощаться, то, что предлагал этот человек, не укладывалось у меня в голове. Я сказала, что подумаю, но ... Это просто возмутительно, а еще противно. Да, именно это слово больше подходило сюда. Из одних рук угодить в другие, которые ничуть не лучше. Впрочем, Артем все же лучше, хотя бы в плане жениха, чисто внешне. Агафонов предложил мне, стать его женой. Не сейчас, нет, а в обмен на помощь.

– Ты молода, Рита. Жизни считай, не видела, – говорил Агафонов голосом змея искусителя, подходя ко мне и вставая позади кресла. Положил руки на мои плечи и легко сжал, поглаживая и играя кружевным воротничком платья.

Я сидела, еще переваривая внутри его предложение, которое стало для меня полной неожиданностью. Выйти за него замуж?! Серьезно? Да он старше меня лет на сорок, а то и больше.

– Подумай, – наклонился Сергей к моим волосам, вдохнул запах и отошел.

Меня всю передернуло, будто от отвращения. Я постаралась посмотреть по-новому на заместителя папы, но все равно не получилось. Да я просто не смогу с ним, не то, что в постель лечь, я за одним столом то сию с трудом.

– Я не могу вам ответить сейчас, – тихо сказала я и встала

с кресла.

– Ответишь, как будешь готова, – кивнул Сергей Валентинович, – Но я могу сделать так, что твой муж вернет тебе все, да еще и останется должен. Если ты, конечно, этого хочешь? – посмотрел на меня, словно выпытывая мое отношение к Артему, пытаюсь понять, что я чувствую к мужу.

– Я дам вам ответ в ближайшее время, – кивнула ему и вышла из кабинета.

Дома встретила маму в полной истерике: уволилась последняя горничная и еще она все-таки дозвонилась до Бондаревой.

– Рита, она так на меня кричала, – плакала мама, сидя за большим обеденным столом и зачем-то перебирая столовое серебро, – Обозвала меня попрошайкой, представляешь? Меня, дочь генерала Лазарева? Да я никогда в жизни, ни у кого и ничего не просила!

– Мама, успокойся, – села с ней рядом на стул и прижалась к ее плечу, вдыхая аромат духов Шанель, – Все у нас будет хорошо. Вот увидишь. Только нужно потерпеть.

– О чем ты говоришь, Рита? – возмутилась сквозь слезы мама, – Как это все можно терпеть? Будь жив мой папа, он бы быстро поставил на место этого щенка, да и твой отец нашел бы способ с ним разобраться.

– Но дедушки нет и моего папы тоже, давай, я дам тебе таблетку и пойдем спать, уже поздно, – подхватила маму под локоть и повела наверх.

В комнате помогла ей снять красивое платье из голубого бархата, жемчужные серьги с бриллиантами. Мама по привычке одевалась дома, как раньше, платье, драгоценности.

— Завтра я позвоню знакомым моего папы, если они еще живы, пусть помогут, — говорила мама, стирая ватным тампоном косметику с лица. Она сидела в кружевной белой ночной сорочке на кровати, и я только сейчас заметила, как она похудела. Нет, она у меня красивая, но больно сильно выпирали ключицы и плечи.

— Мама, даже если и живы, это уже очень старые люди, — попыталась отговорить ее от заранее бестолковой идеи.

— Если не пытаться, то ничего и не добьешься, — подвела итог мама, и я протянула ей стакан с водой, чтобы она запила таблетку.

— Спи, мама, завтра решим, что делать, — наклонилась, поцеловала ее в щеку и почти вышла в коридор, когда услышала ее тихий голос:

— Рита, мне так плохо без Володеньки, очень плохо.

— Спи, мама, мне тоже плохо без папы, — повторила я и вышла из комнаты, пытаясь сглотнуть болезненный ком в горле.

На следующий день проснулась довольно поздно и удивленно села на кровати. Мне казалось, что я впервые так спала после смерти папы: без снов, без волнений, просто вырубилась и все. Приняла душ и спустилась в столовую, собираясь что-нибудь сделать на завтрак. Мамы дома не было или

она еще не входила из своей комнаты, но казалось, что в доме я одна.

Достала из холодильника упаковку яиц, уж что-что, а омлет я сделать смогу. Пока взбила яйца с молоком, обжарила грибы и лук, залила все смесью и поставила готовиться, мама так и не спустилась. Пришлось пойти к ней в комнату, чтобы разбудить. Может она, как и я, сегодня проспала, после таблеток, тем более. Однако в комнате никого не было, аккуратно заправлена кровать, на спинке висел мамин шелковый халатик нежно-персикового цвета.

Пожала плечами, снова спускаясь в столовую, и сняла омлет с плиты. Буду завтракать одна, и куда она ушла в такую рань? Обычно ее не вытащить из дома до полудня. Положила омлет на тарелку и понесла ее к столу, когда посуда внезапно выскользнула у меня из рук. Словно кто-то толкнул, а тарелка со всем содержимым упала на паркетный пол, разлетаясь на куски фарфора и горячего омлета.

– Блин! – возмутилась я, чуть не топнув ногой в мягкой тапочке и присела, подхватив с плиты полотенце. Стараясь не пораниться начала собирать осколки, как зазвонил телефон. Достала его со столешницы и приложила к уху, прижимая плечом.

– Рита, Рита! – кричала мама, стараясь перекрыть своим голосом гул машин.

– Мама, ты что кричишь? – ответила ей, сгребая в кучу все, что осталось от моего завтрака.

– Ты представляешь, он меня послал, точнее, сказал, чтобы я шла куда-нибудь еще, – возмущалась мама, – Черт, ничего не слышно, – тут же выругалась она, и послышался резкий сигнал машины.

– Кто послал? – спросила я, пытаюсь расслышать ее голос.

– Артем, кто, твой муж. Я пришла к нему и встала на колени, а он рассмеялся и сказал, чтобы я шла работать. Представляешь? – вдруг четко сказала мама.

– Ну, зачем ты пошла к нему, – взвыла я.

– Потому что он не должен так себя вести, просто не должен, – возмутилась мама, – Да куда ты прешь?! – вдруг закричала она и послышался снова сигнал машины.

– Мама, ты где? – встревожилась я.

– Не знаю, иду. Тут кругом машины мчатся, как бешеные. Добрые люди у Делового центра сказали, что около метро есть такси. Еще бы найти его, это метро.

– А почему не вызвала такси сразу?

– А что так можно было?

– Ох, мама, придешь, я тебе приложение скачаю.

– Ладно, и еще Рита, я все сделаю ради тебя, чтобы ты была счастлива, все, – сказала громко мама, и тут послышался странный грохот, визг тормозов и связь оборвалась на короткие гудки.

– Мама? – удивленно посмотрела я на трубку, которая все еще пищала в моих руках, а затем наступила тишина, – Мама?! – чувствую, что у меня сейчас остановится сердце.

Схватила телефон и стала набирать маму, но «Абонент временно недоступен»

– Мама!!!! – заорала на весь дом, срывая голос и раздирая себе губы, – Мама!

Глава 11. Как жить дальше?

Не знаю, как я прожила следующие дни. Они просто выпали из моей памяти и, наверное, только это спасло меня от сумасшествия. Я помню, что выбежала из дома в тапочках и пижаме, что-то кричала единственному оставшемуся охраннику. Потом мы ехали на бывшую папину работу. Не доезжая до Делового центра, встали в пробку, впереди была авария. Я словно чувствовала, что мама там и мне нужно бежать туда. Чуть ли не на ходу выпрыгнула из машины и понеслась по МКАДу, не обращая внимания на сигналы машин, что проносились мимо.

Я ее нашла, почти сразу. Мама лежала на асфальте, ноги неестественно вывернуты. Первое, что заметила это одну туфельку на ее ноге, любимые лабутены из бежевой кожи. Подлетела к ней, схватила на руки, начала трясти, что-то заывая. Мамина голова болталась из стороны в сторону. В уголках рта запеклась кровь, а волосы словно превратились у виска в одну грязную массу.

– Да она выскочила на дорогу! – что-то кричал водитель большой фуры, – Я даже среагировать не успел. Пьяная что ли, шла, даже не смотрела куда.

Я прижимала маму крепко к себе, рыдая и захлебываясь слезами, пока не наступил провал в сознании, причем полный.

Дни слились в один, превращаясь в сплошной день. Я не замечала, что наступила ночь или в окно светило утреннее солнце. Не замечала ничего. Лишь один раз до меня долетели обрывки каких-то разговоров:

– Мы не можем больше держать ее на лекарствах, в ее положении это категорически запрещено! – голоса шли из коридора. Дверь в мою спальню была открыта.

– Какое положение? – голос Сергея Валентиновича или мне показалось?

Дальше снова пустота, ни одной мысли в голове, ничего.

В день похорон, что-то начала чувствовать, когда в комнату вошла незнакомая женщина и предложила мне на выбор одно из двух черных нарядов.

– Уже? – зачем-то спросила я, и она кивнула, прикрыв ладонью рот и едва сдерживая рыдания.

Я спокойно встала и прошла в ванную, задержав короткий взгляд на зеркале, и тут же отпрянула от него. Страшная, щеки ввалились, вокруг глаз черные тени, скулы выделялись на бледном лице. Волосы спутались и лежали одной нечесаной копной. Взяла с полки ножницы и, оттягивая светло-каштановую прядь, срезала ее почти у самой головы. Смотрела, как в раковину падают мои некогда густые и красивые волосы, пока не срезала все, превратив себя в еще более уродское создание.

Горничная вошла и охнула, оглядывая ванную, а я молча прошла мимо нее. Взяла первое попавшееся платье и натя-

нула на себя, затем чулки, туфли на низком каблуке и повернулась к застывшей у двери в ванную женщине.

– Куда идти?

– Платок, Господи, – запричитала та, вытирая слезы с щек, – Деточка, на голову, – протянула мне черный кружевной платок.

Я вышла из комнаты и спустилась в гостиную, где меня ждал Агафонов. Оглядел меня с ног до головы, помог завязать платок под подбородком:

– С волосами зря, но пусть, если тебе легче, отрастут, – набросил на мои плечи темное пальто и мы вышли из дома, усаживаясь в черный лимузин.

На кладбище не было никого, совсем. Если у папы еще было несколько деловых партнеров, то маму не пришел проводить никто. Из родных у меня оставалась бабушка, папина мама, но и она не смогла приехать. После похорон сына уехала к себе в Сочи, где папа давно купил ей маленький домик у моря, и попала в больницу с инсультом. Ей даже не стали сообщать о гибели моей мамы, это могло бы добить старую женщину.

Пришел Агафонов, а еще работники, которые открыли гроб, дали мне проститься с мамой. Смотрела в это чужое белое лицо, красивое даже в своем вечном сне. Внутри словно все умерло, не отзывалось ни на что, пока на саван не легли красивые белые розы. Проследила за рукой, которая положила цветы и застыла. Артем стоял напротив меня, сцепив

руки спереди, и смотрел прямо в глаза. Что там было, я не знаю, не успела рассмотреть.

Злость поднялась удушливой волной, смешиваясь с ненавистью, заставляя меня затрястись всем телом. Мне казалось, что я сейчас умру здесь и сейчас, потому что мое сердце просто не выдержит такого адреналина в крови, такой вспышки ярости. Артем внимательно смотрел на меня, наблюдая, как меняется мое лицо, превращаясь из неживой маски в демонический оскал, как сжимаются кулачки на моих руках:

– Прости, – прошептал он.

– Что? – мне показалось или я не расслышала, – Повтори?!

– Прости, – громче сказал он и все, меня просто вынесло к нему.

Схватила с тела мамы его розы и, подскочив к нему, начала хлестать по лицу, царапая в кровь шипами:

– Прости?! – кричала я, видя, как шипы раздирают его кожу на красивом лице. Как выступают алые капли, – Поменяйся с ними местами, слышишь?! Тогда прощу!

Платок сбился, обнажая мою уродливую голову, а я все хлестала своего мужа розами, не останавливаясь ни на секунду. Затем, руки стали ватными, перед глазами все закружилось, и меня поглотила тьма. Помню только, как Артем подхватил меня на руки и все.

Очнулась дома, в гостиной. У дивана стояла капельница,

в углу комнаты сидел Агафонов и смотрел на меня.

– Хорошо, что ты пришла в себя, Рита, – поднялся он с кресла и пересел ближе ко мне, на стул, – Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

– О чем, – разлепила я пересохшие губы, приподнимаясь.

Агафонов протянул мне стакан с водой, дал возможность сделать пару глотков, поддерживая.

– Ты беременна, Рита и если не возьмешь себя в руки, потеряешь ребенка, – сказал мне Сергей Валентинович, и я поперхнулась закашлявшись.

– Как? – что-то щелкнуло в голове, заставляя задуматься и произвести подсчеты. Да, со смерти папы не прошло и месяца, а это случилось сразу после свадьбы. У меня задержка уже две недели, а я даже не вспомнила об этом из-за всех этих событий.

– Не буду рассказывать тебе, как это получилось, но тебе нужно уехать из страны, спокойно родить и жить там. Мне нужно время, если ты ответишь мне согласием, я помогу, – кивнул Агафонов, останавливая мой протест, – Подумай о ребенке.

– Дитя предателя? – удивилась я, чувствуя, что не хочу, не могу, любить этот плод во мне, – Я хочу сделать аборт, – заявила Агафонову, отчего его брови удивленно поползли вверх.

– А вот это я не советую тебе делать, – немного подумав, сказал он, – Ребенок – это козырь в твоих руках и это такой

козырь, от которого не каждый мужчина откажется.

– Вы предлагаете шантажировать моего мужа ребенком? – удивилась я.

– Нет, я предлагаю тебе просто родить, а далее будет видно. Этот ребенок еще сыграет свою роль, поверь мне, – сжала мою ледяную ладонь Агафонов, и я кивнула соглашаясь.

Глава 12. Рязанцев, шесть лет спустя

В кабинете наступила темнота, которую я не заметил. Машинально включил настольную лампу, а когда это было, час или два назад? Телефон ожил на столе, тихо подрагивая от виброзвонка.

– Милый, уже слишком поздно, ты еще долго будешь торчать в своем кабинете? – недовольный голос Марины вторгся в мои мысли, заставляя отвлечься от биржевых новостей.

– Марина, в, чем дело? – сухо спросил ее, пытаясь снова вникнуть в бумаги.

– Ужин уже остыл, а я тебя жду, – недовольно ответила женщина, которой я вчера сделал предложение.

– Хорошо, скоро буду, – сказал ей, отключая звонок, и отложил бумаги. В глаза словно насыпали песок, хотелось растереть их, но знаю, что не поможет. Устал за день, да и за всю эту неделю, а теперь еще и захотелось есть. В желудке только кофе, которое пил в течение дня. Последнее время подсел на этот напиток, хотя раньше не позволял себе столько, отчего сердце теперь к вечеру иногда бухало, как сумасшедшее.

Выключил ноутбук и встал с кресла, потянулся всем телом, расправляя затекшие мышцы. Время десять вечера, а я все еще на работе, но тому была причина. Что-то проис-

ходило, не могу понять что. Акции холдинга стремительно падали без видимой причины, и кто-то скупал их по безумно низкой цене. Мы не могли найти того, кто уже второй месяц это делал, а утечка акций всегда плохо, да еще и по минимальной стоимости.

Вышел из-за стола и снял со спинки кресла темно-серый пиджак, накидывая на плечи. Сложил бумаги в кожаную папку, чтобы взять с собой, но потом отложил, нужно хотя бы сегодня поспать. Всю неделю спал урывками по два часа, чувствую, что измотан и на пределе.

Звонок моего заместителя застал меня уже в коридоре, пока стоял у лифта, ожидая когда тот подъедет.

– Артем, я тут получил новые данные, – начал говорить в трубку Сергей Валентинович Агафонов.

– И что там?

– Акции просели еще на пять процентов.

– Бл** – матюкнулся я, входя в лифт, – Ищи Сергей, ищи. Пока не найдем, кто скупает, ни о какой свадьбе не может быть и речи, я не могу уехать, пока тут такое творится.

– О какой свадьбе идет речь? – удивился Агафонов, – Я ничего не слышал.

– Я еще не делал объявление, – ответил ему, нажимая кнопку минус первого этажа, где была парковка, – Вчера, сделал предложение Марине.

– Хороший выбор, дочь владельца «Строймаша», – согласился Агафонов, – Но должен тебе кое-что напомнить, –

вдруг сухо рассмеялся он.

– Что? – удивился я, от этого кощя редко можно было услышать смех. Сергей всегда мне почему-то напоминал этого персонажа из сказки, возможно из-за своего высокого роста или худобы. Но скорее всего взгляд, резкий, прищуренный, настороженный.

– Ты уже женат, – тут же ответил Сергей.

– Я?! – двери лифта открылись и снова закрылись, настолько удивился, что даже забыл выйти.

– Ну да, совсем забыл? Ты женат, Артем, на Смирновой Маргарите Владимировне.

Это имя тут же прошило меня насквозь, и как я мог забыть? Забыть, что женат. Почему я с ней не развелся шесть лет назад? Даже не знаю. Вначале это не казалось нужным, а потом само как-то забылось. Оставил это ей, она должна была развестись, проблема ни о чем, заявление подал и все. Потер щеку, словно пытаюсь нащупать ранки от шипов роз, которыми напоследок отхлестала меня жена. Больше я Риту не видел и ничего не слышал о ней, к моему великому удовольствию. Когда забирали ее особняк и конфисковали имущество за долги холдинга, жены уже не было в стране, да и я, тут же забыл об этой богатенькой, избалованной девчонке, нет и нет, мне легче. Что хотел, я сделал. Первый год еще вспоминал, чувствовал свою вину, да, я оказался не бессердечным негодяем, оказался ослом, который расчувствовался. Жаль было ее мать, одно дело лишиться отца, но сразу

обоих, да, жаль.

– И где моя жена? – спросил Агафонова, выходя, наконец, из лифта.

Внизу ждала охрана и тронулась следом за мной, когда я подошел к черному внедорожнику и сел внутрь.

– Ваша жена, кстати, жива и здорова. В отличие от вас, она помнит, что у нее есть муж, – сказал Агафонов, – И, кстати, я только сегодня узнал, что она подала на развод.

– Ну ладно, отвалим ей немного, сделай все быстро, – согласился я, выдыхая с облегчением. Ладно, не успел растрезвонить о свадьбе журналистам, вот была бы потеха. Двоеженец, звучит, однако.

– Я за этим и позвонил, – сказала Агафонов, – Там не все так просто. Ваша жена подала иск в суд о разделе имущества.

– Она ничего не получит, – тут же отрезал я, уже предвкушая, как снова оставлю Риту ни с чем. Надо же, дождалась, когда я налажу бизнес, который начнет приносить прибыль и решила таким способом добиться своего? Ну, уж нет, ничего не получится.

– Получит, – ответил вдруг Агафонов.

– Что ты несешь? – поморщился я, наблюдая, как водитель плавно выруливает в потоке машин. Впереди ехала машина охраны, чуть расчищая дорогу.

Теплый августовский вечер накрыл Москву, и если бы не климат контроль в машине, пришлось бы дышать этим смогом расплавленного на дневной жаре асфальта и запаха бен-

зина. Уже месяц Москва просто плавилась от жары. Кондиционеры в офисе не справлялись, постоянно выходили из строя. Каждый день по этажам сновали люди из курирующей фирмы, заправляя и возрождая то один кондиционер, то другой. Еще месяц такой жары и, кажется, начнет плавиться само здание из стекла и бетона.

Ослабил галстук на шее, снял его, положив рядом с собой на кожаное сидение, расстегнул пару пуговиц на темно-вишневой рубашке. Стало чуть лучше, прохладнее.

– Так почему я должен ей отдать, что она просит?

– Ты отдашь ей Артем все свое состояние, – вдруг сказал Сергей и я замер, перестав закатывать рукава рубашки.

– Что?! – спросил его удивленно.

– Твоя жена, подала на тебя в суд: по условиям вашего брачного договора в случае измены. Ты лишаешься всего, что получил, когда женился на Маргарите Владимировне и суд примет решение против тебя, Артем. Ты открыто живешь уже почти год с Мариной Аркадьевной, что подтверждено документами. Суд отдаст твоей жене все, что ты заработал на состоянии ее отца за все эти годы. В том числе половину твоего состояния, которое у тебя уже было до свадьбы.

– А это еще почему? – возмутился я, – То, что было у меня до свадьбы останется моим.

– Нет, часть уйдет твоей дочери.

– Кому? Ты бредишь, Сергей?!

– Нет, у тебя есть дочь – Смирнова Дарья Артемовна.

– *** – только и смог ответить я, отбрасывая на сиденье телефон, – Какая на хрен дочь?! – заорал, врезаясь кулаком в переднее сидение.

Глава 13. Начались цветочки

Марина ждала меня дома, сидя перед телевизором и дуя обиженно губы. Снял пальто, прошел в гостиную и сел рядом с ней на диван. Зацепил равнодушным взглядом великолепную фигуру, почти белые волосы, уложенные в художественном беспорядке, домашнее платье, больше похожее на вечернее.

– Обиделась? – спросил ее, глядя, как она делает глоток из высокого бокала. Начала ужин без меня и как всегда с шампанского.

– Нет, – ответила Марина и посмотрела на меня, – Артем, так не пойдет.

– Что конкретно тебе не нравится? – устало спросил я, встал, чтобы снять пиджак и повесить в шкаф. Снова сел на диван, закатывая рукава рубашки и снимая часы.

– Ты постоянно приходишь поздно, я сижу и жду тут целыми днями одна, – запела свою песню Маринка.

– Я работаю, – ответил устало, снова встал. Прошел к бару и налил себе коньяк в пузатый бокал. Сделал щедрый глоток обжигающего напитка, чувствуя, как тепло поползло по телу.

– Это намек на то, что я ничего не делаю? – тут же взвилась Марина.

– И это тоже, – подтвердил я, – Если бы ты была занята в салоне, который тебе подарил твой отец, пришлось бы не

скупать одной дома. Я понимаю, если бы ты готовила, но у нас даже еда из ресторана.

– Артем, ты сейчас серьезно? – опешила Марина, – Ты сделал мне предложение и выгоняешь на работу?!

– А как одно мешает другому? – удивился я, – У нас пока нет детей, которых ты могла бы водить в школу, на секции или куда там их водят. И вообще, мне с тобой нужно поговорить.

– Я не хочу с тобой говорить в таком тоне, – тут же завелась невеста, – И я не хочу работать. Мой салон хорошо справляется без моего присутствия, там хорошая управляющая. Ты должен обеспечивать семью, а не заставлять меня работать.

– Мне все равно, чем ты занимаешься целыми днями, вот только не нужно втягивать меня сюда. Я работаю, и у меня нет времени скрашивать твой досуг. Со свадьбой придется подождать. Думаю пару месяцев и я все улажу.

– Это еще почему?

– Я женат. Оказывается, – хмыкнул я, ожидая бурю, и она не замедлила разразиться.

Марина бегала по гостиной, заламывая руки, высказала мне какой я хороший и как ее предал. Кричала так, что звон в ушах стоял. Я лишь морщился, пока выслушивал ее.

– Ты хотя бы понимаешь, что сделает мой отец? – возмущалась Марина, – Он тебя в порошок сотрет!

– Ого, какие угрозы, – усмехнулся я, – Встаньте в очередь.

– Почему ты не сказал раньше? – остановилась Маринка посреди гостиной, – Я бы поняла, ждала.

– Я просто забыл, – пожал плечами, удивляясь самому себе. Как я вообще мог забыть такое? – И еще, у меня есть дочь.

– Что?!

– Да, у нас с женой была всего одна брачная ночь и так получилось.

– Я не собираюсь воспитывать чужих детей! – перешла на ультразвук Марина.

– Дочь живет с матерью, тебе не придется с ней даже видеться, – попытался я успокоить невесту.

– Так вот, Артем, я ухожу, – Марина направилась в спальню, по пути вытаскивая из шкафа в прихожей свой необъятного размера чемодан.

– Марин, ну хватит, – пошел за ней, – И что такого, что у меня есть ребенок?

– Нет, Артем. Я хотела построить с тобой нашу жизнь, только нашу и не собираюсь делить тебя ни с кем, тем более с бывшей женой и дочерью. Извини, но мне такие отношения и такой брак не нужны.

Маринка принялась складывать вещи в чемодан, кидая как попало и, выгребая их из шкафа в спальне.

– Это временно. Я получу развод, и все будет как прежде, Марина. Придется, конечно, немного отстегнуть бывшей жене, но это копейки.

– Я все сказала, Артем. Зря я вообще начала с тобой

встречаться. Мне нужен другой человек, который будет ценить меня как жену и мать его детей. Я не собираюсь сидеть целыми днями, ожидая пока он наработается или навестит своего ребенка от другой женщины по выходным. Мне не нужен мужчина с бывшей женой и дочерью.

– Ты сейчас серьезно? – встал у двери в спальню, прислонившись к косяку плечом.

Смотрел, как она лихорадочно собирает вещи и сгребает с комода свою косметику с украшениями. Две недели, как переехала ко мне, а вся комната уже просто завалена ее вещами. Внезапно стало все равно, уйдет Марина или останется. Если признаться, почувствовал неожиданно облегчение, честно говоря, стали надоедать ее капризы и обиды. Поймал себя на мысли, что так даже лучше. Только сейчас понял, что Марина мне не подходила. Я даже не особо рассматривал женитьбу на ней, стали встречаться, зацепила да: красивая, ухоженная, не глупая. Ну и конечно, статус дочери очень богатого человека тоже сыграл свою роль. Но сейчас смотрю и понимаю, не любил и горевать не буду, когда уйдет.

– Тебя отвезти? – предлагаю ей, чем вызываю еще большее негодование.

– Справлюсь сама, – огрызается Марина, – За мной придет наш водитель.

– Хорошо, извини, что так получилось, – пытаюсь расстаться хотя бы не врагами.

– Твое извинение засунь себе, сам знаешь куда, Артем. А

я это так не оставлю. Ты опозорил меня перед моими знакомыми, а когда узнает папа, то тебе придется не сладко. Ты скрывал от меня, что женат, скрывал про дочь, такое просто так не прощают, Артем. Папа отзовет все контракты с вашим холдингом.

– Невозможно, в договорах нет причины на отзыв, твоему отцу придется оплатить нам большую неустойку.

– Пусть, зато твоя репутация, как бизнесмена, упадет так, что заденет всю твою компанию, – Марина схватила чемодан и потащила в прихожую, – Катись ты со своими женами и детьми! – выкрикнула она и хлопнула входной дверью так, что думал, слетит с петель. Приехали, называется.

Глава 14. Греция, Пелопоннес, за месяц до отъезда в Москву

Поселок Аркуди на полуострове Пелопоннес плавился от полуденной жары. Наступило время сиесты. Старинные улочки с дорогой, вымощенной камнем, накалившим под лучами солнца, были почти пусты. В воздухе одуряюще пахло эвкалиптом и можжевельником, стрекотали всюду цикады, которые здесь почти не умолкали. Окна белых и голубых домов в один и два этажа были прикрыты ставнями, что спасало от жары. По улице бродили туристы, пережидая жару в уютных магазинчиках с сувенирами, интересными товарами и всевозможными курортными редкостями.

В кафе на террасах было пусто, даже обедать не было желающих в такой зной. Все ждали вечера, когда с моря, наконец, потянет свежим бризом, на террасах зажгутся огни и потянется ароматный запах жареных мясных блюд, специй и рыбы. Тогда город оживет, откуда-то появится куча людей, отдыхающих. На улочках и в магазинах будет невозможно протолкнуться. Люди приехали отдыхать, и сейчас к концу сезона наплыв туристов не ослабел, а кажется, стал даже больше, чем в самый пик.

Больших отелей в поселке не было, да и самих домов можно насчитать не больше восьмидесяти. Но поселок сла-

вился именно своей уединенностью, возможность отдохнуть на великолепном побережье Ионического моря и отведать великолепную кухню. Всегда свежие морепродукты: устрицы, крабы, креветки. Их привозили ранним утром рыбаки и сдавали в местные таверны, которых здесь было много для небольшого поселка, чуть больше десяти, плюс пара ресторанов на берегу.

Если подняться чуть левее вдоль берега, то можно увидеть небольшую виллу, которая спряталась за высокими эвкалиптами. Вилла была небольшая, но красивая. Белоснежное здание в два этажа, своим фасадом выходило окнами на скалистый берег. Огороженная территория, высокий забор, за которым ничего не было видно. Здесь я чувствовала себя в безопасности и подальше от любопытных глаз. Да и кто бы мог подумать, что мы с дочкой живем в таком прекрасном месте, как маленький поселок на огромном полуострове.

– Мама, – Дашка вбежала на кухню, стягивая на груди полотенце, в которое ее завернула ее няня. Ноги босые, с волос капает вода, загорелые плечики в каплях воды, – Я хочу есть.

– Даша, сколько раз говорила, после бассейна в душ, а потом сушить волосы? – упрекнула дочь, отставляя большую миску с греческим салатом в сторону. Овощи я нарезала, осталось только заправить оливковым маслом и положить саганаки (сыр).

– Мама, – сморщила смешно носик дочка и я улыбнулась. Дашка в этот момент была такая интересная и откуда у

нее эта мимика, я так не делала.

– Пойдем, высушим волосы, смотри, какая лужа с тебя натекла, – указала ей на плиточный пол и повела дочь в свою комнату, чтобы просушить волосы феном.

Там быстро сполоснула дочку под душем и принялась сушить длинные волосы. Дашка вертелась, сидя на стульчике, вот егоза и минуты усидеть не может. Волосы длинные, светло-русые, некоторые пряди выгорели на солнце почти до белизны. Загар у дочери почти как молочный шоколад, она целыми днями пропадала на улице или у моря с няней, где у нас была своя беседка.

– Мама, смотри, какую я нашла ракушку, – протянула Дашка мне перламутровую раковину с рыжими полосками. Она каждый день притаскивала в дом эти ракушки целыми горстями. Няня и горничная незаметно уносили эти запасы обратно во время уборки, но кучки на столе и тумбочке у Дашкиной кровати пополнялись с завидной регулярность. Причем дочка даже не замечала, что периодически кучки уменьшаются.

– Красивая, но мне кажется, у тебя там уже мешок похожих. – улыбнулась я. Расчесала и заплетала две толстых косы закрепив резиночками с бабочками.

– Нет, это самая красивая, – не согласилась Дашка.

– Конечно, вчера тоже красивая была.

– Вчера была с коричневыми и серыми полосками, а эта с рыжими, эх, мама, – укоризненно отчитала меня дочь.

— Ладно, пойдем обедать. Мне кажется сегодня очень жарко, — вздохнула я, спускаясь в большую прохладную столовую.

Ставни на окнах были прикрыты, тихо шумел кондиционер, который я выключила, чтобы не продуло дочь. Мне очень нравилась наша вилла. Она каким-то чудом уцелела после того, как все имущество моего отца забрали в счет долгов холдинга перед акционерами. Здесь я родила, здесь и жила уже почти шесть лет. Близость к морю, уединение и спокойствие, то, что мне было тогда нужно. Море успокаивало, порой конечно вызывало тревогу в сезон штормов, когда волны подступали почти к нашему порогу, но все это забывалось весной и летом. Распускались цветы, море становилось лазурным и такой красоты, что захватывало дух.

Сама вилла была небольшая с белеными стенами и плетеной мебелью. Коврики ручной работы, легкие белые шторы на окнах, средиземноморский стиль: просто и богато. Да, папа обставлял виллу по своему вкусу, здесь даже картины на стенах были подлинники каких-то знаменитых художников.

Я прошла в кухню и достала из холодильника лимонад, который сделала из апельсинов, добавив туда лайм для кислинки. Греческий салат заправила и выложила на блюдо тушенную в пряностях рыбу. Дашка будет недовольна, она не очень любит рыбу, но ест, правда при этом ворчит, когда я пытаюсь убедить ее о пользе такой еды. Она обожает креветки, может, есть их целыми днями, если бы ей дали такую

возможность.

– Мама, а мы вечером пойдем гулять? – спросила дочка, когда я выложила на тарелку ее порцию.

– Посмотрим по погоде, к вечеру обещали грозу, – дочка принялась есть, пытаясь не притрагиваться к рыбе, – Чтобы съела все, иначе мороженого не будет, – тут же напомнила я, и Дашка со вздохом ковырнула рыбу.

– Противная рыба, – сморщилась она.

– Она вкусная, просто так пахнет, – не согласилась я. Скумбрия и правда имела острый запах, когда ее жарили. Дашка еще ела камбалу и форель, но сегодня рыбаки принесли замечательную скумбрию и я конечно взяла ее. Сама я рыбу очень любила в любых вариантах приготовления.

– Мне не нравится.

– Зато полезно. Ты растешь, тебе обязательно нужно ее есть.

– Мама, – заныла дочь, а я улыбнулась, рассматривая недовольную мордочку.

Не знаю, чтобы я делала без нее. Когда узнала о беременности в тот период, мне не то, что ребенка не хотелось, мне жить-то было тошно. Потом жесткий токсикоз, я и так сильно похудела после всего, что случилось, а тут меня выворачивало буквально от всего. Не тошнило только тогда, когда я сидела у моря, вдыхая соленый запах и купаясь в теплой воде. Море меня практически спасло, может, поэтому Дашка почти не вылезает оттуда.

Роды прошли на удивление легко, и впервые взяв в руки свою дочку, мою крошку, я стала совсем другим человеком. Держала эту хрупкую маленькую куколку в руках и рыдала на всю палату. Только сейчас поняла, как ее люблю и забыла от кого она, забыла что было, пока носила ее. Главное – это моя доченька, она и есть вот этот загорелый чертенок, в которого Дашка превратилась. Смотрю на нее, а сердце расцветает счастьем, моя, единственная, дорогая, конечно особенная, конечно не как все дети. Озорная, веселая, порой капризная, ни капли не сидящая на месте, но я так ее люблю, что порой пугаюсь этого чувства. Оно такое сильное, что я готова убить за нее, если будет нужно, и если ее попытаются у меня отобрать.

Глава 15. Аркуди

Около дома остановился белый кабриолет с откидным верхом, и я вышла к воротам, убирая в сторону небольшую корзинку с черным виноградом. Его лианы уже свисали чуть ли не до земли под тяжестью матово-черных гроздей. Виноград здесь был крупный, сладкий, я делала из него компот, джем, варенье, но все равно оставалось слишком много и тогда наш сторож, местный грек, забирал себе, увозил на деревянной тачке, возвращая обратно в виде прекрасного вина. Цвет этого божественного напитка был как рубин, насыщенный, яркий, а вкус... Я такого вина не пила никогда, даже из самых дорогих в свое время. Вкус летнего августовского солнца, морской свежести, сразу напоминал мне только об этом месте и вилле.

Открыла калитку и хмуро смотрела на мужчину, который шел ко мне с букетом желтых роз в руке и небольшой сумкой в другой. Сергей Валентинович Агафонов казалось, стал еще выше и худее за эти годы. Лицо с ястребиным взглядом меня всегда пугало, даже сейчас. Вроде должна была привыкнуть за эти годы, но не получилось. Хорошо, что он навещал нас редко, всего пару раз в год, чаще я бы не вынесла.

– Здравствуй, Рита, – клюнул он меня в щеку своими сухими губами. От него пахло острым перцем и горьким пряным запахом, который мне не нравился.

– Здравствуй, Сергей, – ответила я, поцеловав воздух у его щеки.

– Я приехал за вами, – сказал он, пока мы шли к дому, и я тут же остановилась, поворачиваясь к нему.

– Пора? – замерла в ожидание ответа.

– Пора, – кивнул он, обнимая меня за талию и прижимая к себе, – Я все подготовил к вашему возвращению. Дело о разводе и разделе имущества в суде, мой дом готов, прислуга нанята, через три дня вы уезжаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.